

Илья ОГАНДЖАНОВ

Илья Оганджанов родился в 1971 году в Москве. Закончил Литературный институт им. А.М. Горького, Московский государственный лингвистический университет, Международный славянский университет. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Урал», «Сибирские огни», «Крещатик» и др. Автор романа в рассказах «Человек ФИО» (СПб.: Алетейя, 2020), двух книг стихов: «Вполголоса» (М.: ЛИБР, 2002), «Тропинка в облаках» (М.: Летний сад, 2019). Переводы с английского: Т.С. Элиот, Роберт Фрост, Сильвия Плат, Уолт Уитмен, Дилан Томас, Эзра Паунд, Филип Ларкин; переводы с китайского: Ду Фу. В «Волге» публикуется впервые.

РАССКАЗЫ

Радио Шансон

Накрапывал дождь. «Дворники» надсадно скрипели и оставляли на лобовом стекле мутные разводы. Дорога за стеклом двоилась, будто в глазах дрожали слёзы. Он включил погромче магнитолау.

На остановке голосовала девушка. Он притормозил.

Она открыла дверь и заглянула в салон:

– Тут недалеко.

Он согласно кивнул, и она юркнула на переднее сиденье. Полы её пальто разошлись. Он скользнул взглядом по сетчатым колготкам и туго стянутой на бёдрах полинялой красной мини-юбке. Зонта у неё не было, и распущенные круто завитые волосы были усыпаны бисеринками дождевых капель. Она смахнула упавший на лоб пружинистый травленный перекистью локон и повернула к нему мокрое, играющее бликами лицо, изменчивое в полусвете салона, точно изображение на голографической открытке.

– Погода просто отвратная.

Он ничего не ответил.

– Что слушаешь? Радио Шансон? Любишь, чтоб дешёво и сердито?

– Не нравится – не слушай.

– Попробуй не слушать, когда так орёт.

Он сделал потише.

Они подъехали к перекрёстку.

– Здесь направо.

Он включил поворотник.

– А дальше прямо.

Он пропустил пешеходов на переходе. Последней ковыляя старушка под чёрным потрёпанным зонтом. Она крепко сжимала изогнутую ручку зонта, словно руку поводыря. Зонт был со сломанной спицей и похож на ворона с перебитыми крылом.

Он вывернул руль.

– Только денег нету, – бросила девушка словно между прочим.

Он покосился на неё.

– Денег нет, – решительно повторила она. – Чего вылупился?! Хочешь, перепихнёмся? Вон за гаражами удобное место. Все туда ездят. В рот – пятьсот, так – тыща, анал – полторы. Тебе скидка за доставку.

Он притёрся к бордюру и затормозил. Достал из кармана сигареты. Щёлкнул зажигалкой. Глубоко затянулся и выпустил изо рта облачко дыма. Салон окутало молочно-перламутровой пеленой.

Полчаса назад всё это он заставлял проделывать свою девушку. Вернее, это она думала, что она его девушка. Их свела общая знакомая. «Девчонка хорошая, домашняя, с высшим образованием, работает. Не модель, конечно, но и не уродина. Живёт одна. Пусть за МКАДом, зато собственная квартира. Тридцатник стукнул, а никого так и не было. На стенку лезет от тоски. Подумай. Не мальчик ведь уже».

Он пришёл с шампанским и коробкой конфет. Она нарядилась в платье с вырезом. Накрасилась, словно разрисованная в детском кружке матрёшка. Приготовила оливье. Сначала смущалась. После третьего бокала покраснелась. Громко невпопад смеялась. Болтала без умолку. Включила музыку, присела на диван. Он плюхнулся рядом. Зашептал на ухо какую-то чушь, полез под юбку и властно зашарил ладонью по горячим студенистым ляжкам. Она подставила ему приоткрытые губы. И шалея, бешено округляла глаза и будто поскуливала. После Тони ему было всё равно. Наплевать. Чем хуже, тем лучше. И почему он должен кого-то жалеть? Кто его пожалел?! Сама напросилась. Груша переспелая. Ничего, переживёт. Быстренько найдёт себе утешителя. Все они одним миром мазаны.

В ванной шелестел душ, будто там тоже, как и за окном, шёл дождь. Он поднялся с дивана. На скомканном голубом покрывале темнело бурое пятно, похожее на островок в океане. Он огляделся, будто только что попал в эту комнату. Кремовые обои. Сервант с хрустальными бокалами, фужерами, рюмками, разрисованными блюдами и кофейным сервизом, наверное, ещё от бабки осталось. Книжная полка: Агата Кристи, Мопассан, Тургенев, английский для начинающих, какие-то цветастые женские романы. Траурно-чёрный экран телевизора. На стене – узорчатая тарелка, явно откуда-то из Турции, портрет Нефертити на папирусе – из отпуска в Египте и маленькая икона Божьей матери с младенцем. На столике у дивана – сонник и крем для рук.

Комната пропахла её духами. Кажется, их карамельный аромат впитался под кожу. Он оделся. Взял со стола бутылку минералки и жадно, не отрываясь выпил, ощущая в горле приятное покалывание.

Она вышла, закутанная в махровый халат. Распаренная, уютная. В коридоре заглянула ему в лицо, как провинившийся ребёнок. Глаза у неё покраснели, губы подрагивали в какой-то блаженно-плаксивой полуулыбке. У двери она порывисто обняла его, уткнувшись носом куда-то в шею, и тихо всхлипнула...

В темноте салона тревожно вспыхивал огонёк сигареты. Он придавил окурочку о край пепельницы. Сглотнул горячую слюну и придушенным голосом спросил:

– Ты где живёшь?

– Через два квартала. Дом семьдесят восемь, корпус четыре, шестой подъезд, – отчеканила она заученной скороговоркой.

Он нажал на педаль газа. Подъехал к бесконечно длинной панельной девятиэтажке. Её окна светились глубоко в темноте, будто огни уплывающего к звёздам инопланетного корабля.

– Не хочешь, как хочешь... – сказала она, потупясь. – К себе не приглашаю. У меня дочка маленькая и мать болеет.

Он вытащил из кармана джинсов сплюснутую, потёртую тысячу и сунул ей в руку.

– Давай вали, пока я не передумал.

Она хлопнула дверью и пошла к подъезду, покачиваясь на высоких шпильках, словно на ветру.

В салоне стало как-то пусто и неудобно. Обычно он чувствовал облегчение, когда пассажиры высаживались и он оставался в машине один. Он любил припарковаться где-нибудь в спокойном месте, посидеть в тишине, покурить. Или колесил по улицам без цели, не высматривая клиентов. А если совсем надоедало бомбить, выезжал за город и гнал по трассе, сколько хватит бензина. А тут вдруг что-то защемило...

Он развернулся. У светофора остановился на красный. Достал из куртки мобильник.

– Здорово, Колян. Ты дома?..

Колян не просыхал вторую неделю. Его грудастая хлопотливая Светка залетела и умотала в Чебоксары готовиться к свадьбе – там дешевле и родня рядом.

– Я сейчас заскочу.

Хотелось выпить до беспамятства.

Дребезги

Мы шли по раскисшей тропинке вдоль сплошного деревянного забора. На тропинке отпечатывались наши следы, и в них натекала мутная жижа. Тропинка обрывалась у дыры в заборе. Мы друг за другом пронырнули внутрь и, перепрыгивая талые лужи, стали пробираться по заброшенной стройплощадке к подъезду недостроенной высотки.

– Не отставать, за мной! – командовал Андрей, потрясая над головой четырьмя бутылками портвейна, словно связками гранат. – Место отличное, вам понравится, – подбадривал он нас, взбегая по лестнице.

Передо мной поднимался Гена, длинный и тощий, как тень от церковной свечи, и нараспев декламировал простуженным баском: «Как ныне собирается вещей Олег...» Из-под Гениных коротких брюк виднелись сползшие гармошкой носки и задники стоптанных ботинок. На правом болтался развязавшийся шнурок. Надо было сказать об этом Гене – лестница была без перил. Но я не решался его прерывать.

– Долго ещё, Андрюша? – спросила за моей спиной Лялька.

– Молчанье было ей ответом, – угрюмо просипел Борис. Он шёл последним. Дымил сигаретой и жонглировал бутылкой армянского коньяка.

– За такой отвратный характер твоя прима тебя и динамит.

– Топай безропотно за своим счастьем, дитя моё, – и увидишь небо в алмазах, – наставительно пропел Борис и поправил сползшую на глаза потёртую ковбойскую шляпу.

– Какое я тебе дитя, от горшка два вершка, – огрызнулась Лялька. – Тоже мне, дембель недоношенный.

– Я, между прочим, уже год как вернулся.

– И с тех пор пьёшь без просыху да коньяки из бара таскаешь. Какой бабе это понравится?

– Уж, конечно, не той, что целый день покрашенными коготками по клавиатуре стучит и кофе начальничку подаёт, – и Борис проворчал себе под нос ещё что-то невнятное.

Под ногами хрустел песок и битый кирпич. Наши шаги гулко отдавались в пустом подъезде. На лестничных площадках чернели дверные проёмы. Их мрачная пустота страшила и притягивала своей зловещей безлюдностью. Казалось, мы в каком-то лабиринте, в каменном колодце, и нет ему ни конца ни края. Но мне было всё равно. Так даже лучше, идёшь себе да идёшь. Взбираешься неведь куда, ни о чём не заботясь, ни о чём не думая или думая обо всём сразу. Ступенька за ступенькой. На мгновение заглядывая в зияющие пустоты ничейных дверей. И снова ступенька за ступенькой – выше и выше по лестничным маршам. Налегке, прогулочным шагом, без цели, без надежды – в никуда.

– Добро пожаловать в мои хоромы, – с церемонным поклоном встретил нас Андрей на восемнадцатом этаже. – Прошу в залу.

Бетонная площадка была покрыта тающими островками наледи, похожими на растёкшийся по сковородке жжёный сахар. По краям торчали сваи. Порывами задувал пронизывающий ветер. Над головой, беспокойно клубясь, плавали сизые облака, отчего небо казалось живым. И на все стороны открывался вид на Москву, будто сложенную из детских кубиков.

– Впечатляет, – прогундосил Гена. – А стены и крышу куда подевал?

– Не успели доделать, барин, к вашему визиту. Не извольте сердать.

На фанерке, положенной на четыре кирпича, стояли откупоренные бутылки портвейна.

– Какой ты хозяйственный, Андрюша, стол накрыл, – мечтательно протянула Лялька.

– Губы-то закатай, – буркнул Борис и указательным пальцем сдвинул на затылок свою ковбойскую шляпу.

– Так, господа артисты, не лайтеся. Минуточку внимания, – торжественно произнёс Андрей. – Позвольте поздравить всех с премьерой!

Мы чокнулись бутылками и отхлёбнули прямо из горла.

– Как вы только хлещете это пойло? – процедил Борис, разглядывая на свет свой коньяк.

– По-моему, выступление удалось, – не обращая внимания на Бориса, продолжал Андрей. – Лялька всех очаровала своей «Катюшей» и голливудской улыбкой, Генка отчитал гениально, хоть сейчас народного давай. Да и мы, кажись, не подкачали?

– Вы были неотразимы, мальчики! Не думала, что платья и макияж вам так идут, – прыснула Лялька. – Просто настоящие красотки!

Мы переглянулись. На лицах виднелись следы грима: красная помада в уголках губ, несмытая тушь на ресницах, на щеках пятнами – плохо стёртые румяна. У меня, наверно, тоже что-то осталось. Я машинально провёл ладонью по лицу.

Наш народный театр давал на заводе «Станколит» концерт к 8 Марта. Три недели репетировали мы праздничную программу, и чопорная режиссёрша, Инесса Вениаминовна, некогда блиставшая в областном ТЮЗе, отчаянно всплёскивала сухими руками, словно взывая к небесам, и сотрясала своды клуба строителей прокурренным голосом:

– Как эти бездари собираются поступать в театральный?! Я же не в силах обучить человека, у которого ничего нет за душой! Вы хоть понимаете, что у людей праздник?! Они вкалывают как лошади и ждут от вас, с позволения сказать, от артистов, ра-до-сти!

Это она придумала номер с переодеванием. Всех парней нарядили в женские платья, густо накрасили, и мы должны были разыгрывать какие-то незатейливые сценки. Наверное, получилось смешно, потому что в ответ на все наши плохо отрепетированные дурачества оплывшие измождённые лица в зале озарялись широкими улыбками.

– Главное – заводскому начальству понравилось, – ввернул Борис.

– Понравилось – и ладно. Выпьем лучше за прекрасных дам, – поднял свою бутылку Андрей. – Лялька, за тебя! С праздником!

– Интересно получается, Союз накрылся, а праздники советские остались, – проворчал Гена и, запрокинув голову, точно гипсовый горнист, сделал несколько жадных булькающих глотков, и на его тонкой жилистой шее резко выдался острый треугольный кадык, как будто в горле у него застрял кусок щебня.

– Спасибо тебе, Андрюша, – сказала Лялька. – Хоромы твои сногшибательные. Дом без окон, без дверей, без людей и без зверей. Это твоя будущая квартира?

– Как же, держи карман шире, – прикуривая новую сигарету, вставил Борис.

– Нет, не моя. Обычная стройка. Пару лет назад гакнулась. Инвестор, гад, проворовался, и братва его грохнула. Но от этого не легче – рабочим ни рубля не заплатили.

– Сам-то откуда всё это знаешь? – подозрительно шурясь, спросил Гена.

– Да так, приятель один рассказывал... – замаял разговор Андрей.

– Будь это моя квартира, я бы тут всё обустроила по-заграничному, – вздохнула Лялька. – Здесь у меня была бы просторная прихожая, тут гостиная, дальше – спальня и детская, кабинет мужа, комната для гостей...

– Ишь, размахнулась, – съязвил Борис. – Лучше скажи, где у тебя сортир?

– Для тебя – во дворе, – зло бросила Лялька.

Борис, пошатываясь, направился к угловой свае. Было слышно, как о бетон ударила и зашелестела струя.

– Свинья, – выдавила Лялька и отвернулась.

Андрей вразвалочку подошёл к Борису, ухватил его за шкурку и, приподняв, потряхнул так, что тот угрожающе покачнулся у самого края бетонной плиты.

– У нас, – прошипел Андрей, – таких вмиг за борт выбрасывали для прочистки мозгов. Усёк, связист?

– Усёк, боцман. Больше не повторится.

– Тогда ширинку задрай и бегом извиняться. ...А гальюн на одиннадцатом.

Портвейн согрел слабо. Я поставил на пол ледяную бутылку и задышал на задубевшие пальцы. Ветер, в ключья разметав плотные облака, приутих. Небо во всю ширь покрылось багрово-фиолетовыми разводами. И кое-где в домах тепло засветились окна. В голове шумело. До этого я пил всего-то два раза: на выпускном и провалившись в Автодорожный. Мать тогда очень переживала. Говорила, что я пропаду, как отец. Что надо устроиться на какую-нибудь работу. Что она из сил выбилась одна меня воспитывать и содержать. Мать, конечно, было жаль. Но я никуда не устроился. Шатался всё лето по городу и как-то за компанию с приятелем завернул на прослушивание в ГИТИС, там познакомился с Андреем и остальными. Они пригласили в народный театр.

– Театр что, вчерашний день. Кино – это сила, – философствовал Андрей. – Я, как с флота дембельнулся, погулял пару лет, а после решил – баста: кровь из носу поступлю во ВГИК. В театральные-то мужиков принимают до двадцати семи, девок – до двадцати четырёх. А во ВГИК и постарше проходят.

– Да сколько примеров, когда и тридцатилетних брали, – подхватил Гена и глубже натянул на лоб кепку с надломленным засаленным козырьком. – И вообще – диплом не главное. Главное, чтоб талант был.

– Это верно, – кивнул Андрей. – Талант всегда себе дорогу пробьёт. Я так решил: пока в массовках оботрусь, примелькаюсь, такие бугаи, как я, нынче в моде. Заведу полезные знакомства, а там поглядим. Правда, Ляль?

Лялька молчала, уткнув вздёрнутый носик в растянутый вязаный шарф.

Сейчас они начнут наперебой, с придыханием пересказывать друг другу судьбы великих актёров и режиссёров. Отчаянно спорить, кто гениальней – Смоктуновский или Матрояни, Борисов или Фон Сюдов, Мордюкова или Маньяни. Ругаться, доказывать. Я любил слушать их путаные вдохновенные разговоры об искусстве, о театре, о кино, их грандиозные планы и мечты о главных ролях. С ними было хорошо. С ними я чувствовал себя свободным, полным прекрасных смутных надежд. И хотелось тоже иметь какой-нибудь талант.

– Деньжат бы раздобыть, – вздохнул Андрей. – Может, Геныч, срубим побыстрому? Сгоняем кой-куда за товаром, вдвоём оно сподручней. У меня у приятеля точка на рынке, он товар оптом возьмёт за хороший процент. Тебе же мать с постели поднимать надо. А мне алименты платить. Не век же нам вагоны разгружать?

– Поглядим... – протянул Гена и поднял воротник пальто, мешковато висевшего на его сутулых плечах.

Борис ходил гоголем вокруг Ляльки, отбивая непослушными ногами чечётку, и, закатив глаза, подвывал убитым голосом: «Прощай, радость, жизнь моя, знать, уеду без тебя». Лялька куталась в коротенькую болоньевую курточку и нервно поправляла клетчатую беретку с красным помпоном, в которой она была похожа на клоунессу.

– Ну, чего приуныли? – Андрей обвёл нас помутневшим взглядом. – Внимание, внимание, почтенная публика! На арену приглашаются сильнейшие атлеты планеты. Смертельный номер: человек и кирпич. Чья возьмёт?

Он поставил кирпичи буквой П:

– Кто первый? Прошу на ковёр.

Гена резво подскочил, вдарил с размаху худой костистой рукой и наигранно застонал от боли. Нетвёрдо ступая, подошёл Борис. Примерился, тяжело задышал, ахнул и ребром красной мясистой ладони расколол кирпич.

– Молодец, связист, – сказал Андрей. – А так слабо? – он поднял кирпич и с криком «Смерть фашистам!» разбил его о голову. Лялька протянула Андрею платок. Он вытер выбритый до зеркального блеска голубовато-пепельный череп с бледной проплешиной на темени и вопросительно оглядел нас. Это представление разыгрывалось не в первый раз, и мы уныло смотрели на Андрея. Он сник и заговорил потухшим голосом.

– Тут неплохо, правда? Я, знаете, прихожу сюда развеяться. Постоишь на этой верхотуре. Подумаешь. И как-то легче становится. Представишь, что ты на палубе, на капитанском мостике, и корабль на всех парусах несётся в открытое море. И где-то впереди тебя ждут неоткрытые земли, неведомые народы...

Солнце село за дома, похожие на детские кубики. В окнах домов уютно горели разноцветные огни.

В тишине по-бабьи пьяно запричитал Борис:

– Почему всё так, а? Я ей и цветы, и жду, как осёл, у театра, и домой провожаю. А она...

Он захлебнулся слюной и с ожесточением утёр кулаком глаза.

– Что ты, перестань, – Лялька погладила его по спине. – Дура эта твоя прима кордебалетная. Пожалеет ещё сто пятьдесят раз.

Он ткнулся ей в плечо и тонко завыл. Она обняла его.

– Вроде всё допили. Куда тару девать, хозяин? – спросил Гена.

– Валяй за борт, – махнул Андрей. – Хотя постой. Давай так: чья быстрее долетит – тот первым и станет народным артистом.

Они застыли у края бетонной площадки с пустыми бутылками в вытянутых руках.

– Отпускаем на раз-два-три, – предупредил Андрей, и в его глазах блеснула азартная искорка.

Бутылки нырнули в темноту и звонко разлетелись вдребезги.

– Ничья, – поспешно выпалил Гена и щелчком указательного пальца пустил вслед за бутылкой окурочок. Рассыпая рыжие искры, окурочок кометой очертил в воздухе дугу и пропал в загустевших сумерках.

– Пойдём, может, и мы бросим, Борь? – сказала Лялька.

Борис ухватился за торчащий из сваи кусок арматуры и свесился «за борт». Его вырвало с глухим утробным стоном. Ковбойская шляпа соскользнула с головы и, планируя, исчезла в темноте.

– Всё, Витаминовна меня теперь убьёт, – прохрипел он. – Это ж реквизит.

– Ничего, Боря, найдём, – Лялька вытерла ему платком губы, подбородок и лацкан кожаной куртки, как ребёнку, вымазавшемуся мороженым. Забрала его бутылку и вместе со своей брезгливо выбросила.

– Пока летит, думаешь, ничего, авось не разобьётся, – промямлил Борис.

– Все мы летим, летим куда-то... – всхлинула Лялька, – и когда-нибудь...

В сумерках, с высоты восемнадцатого этажа стройплощадка была едва различима и казалась большой опустевшей песочницей с криво всаженными в землю лопатами, бетономешалкой, перевёрнутыми тачками и носилками.

Я тоже кинул свою бутылку, и она разбилась с глухим чавкнувшим хлопком.

– Студент, ты чего, не допил, что ли? – осуждающе спросил Гена.

– Я не студент, понятно, – гордо ответил я, с трудом ворочая заплетающимся языком. И, глубоко натянув на уши вязаную шапку-петушок, полез во внутренний карман куртки за повесткой из военкомата.

Аттракционы

Ты спрыгнул с кровати и зашлёпал босыми ступнями по паркету. Потоптался у двери, прислушиваясь, не проснулся ли я, но открыть не решился. Ты понимал, что папа устает за неделю и по выходным ему надо отдохнуть и выспаться, иначе у него не будет сил ходить на работу, писать статьи, и тогда у нас закончатся деньги, и мы не сможем купить еду, и умрём с голоду. Ты был смыслённый малыш и не стал распахивать дверь.

Я свесил ноги с дивана. Небо за окном было серое, унылое. Встать совсем не хотелось.

Я слышал, как ты рылся в коробке с игрушками. Достал машинку и стал катать её по полу, забавно подражая рычанию мотора. Должно быть, это пожарная машина, которую мы купили с тобой в прошлые выходные. Тебе очень нравился её огненно-красный цвет, выдвигающаяся лестница и синие мигалки на крыше. Нравилось представлять себя храбрым пожарником в каске, с брандспойтом, бесстрашно входящим в пылающий дом, чтобы спасти людей.

В детстве я тоже любил катать машинки и, сложив губы трубочкой, гудел мотором. И воображал себя пожарником, как и ты. Говорят, ты очень похож на меня. Глаза, руки, жесты... Может, и чувствуем мы одинаково, я не знаю. Тебе уже четвертый год, а я иногда смотрю на тебя словно впервые. Наверное, потому что провожу с тобой мало времени – «мог бы и больше внимания уделять родному сыну».

За завтраком ты был молчалив, сосредоточен и с напряжением вглядывался в хмурое небо за окном. Не просил включить мультики, не капризничал и безропотно ел свою нелюбимую овсяную кашу.

– Чего такой серьёзный? – спросила жена.

Ты неопределенно пожал плечами.

– Какие планы, мальчики, куда собираетесь сегодня?

– В парк, – ответил ты за двоих.

– Сходили бы на аттракционы, а? Вчера же были в парке, не надоело?

Уткнувшись в тарелку, ты тихо и настойчиво повторил:

– Пойдём в парк.

– Как хотите. Не забудьте зонт – дождь обещали.

Было пасмурно и прохладно. Во дворе стояла бытовка. Одиноким рабочим в замызганной спецовке сидел на пороге и курил. Его голова тонула в змеистых клубках дыма. Ты рассеянно взглянул на рабочего и отвернулся, ничего не сказав, погружённый в свои мысли. Вчера ты подробно расспрашивал, что и как делают рабочие и зачем они перерыли наш двор и поранили грузовиком клён. Тебе было жалко бедное дерево, и ты всё спрашивал, как оно будет жить дальше с ободранной корой. В стороне от бытовки штабелем лежали доски такого же беззащитного телесного цвета, что и оголённый ствол клёна. К дому тянулась траншея, зияя развороченными внутренностями. И вдоль неё валялись изъеденные ржавчиной обрезки канализационных труб, похожие на осколки разорвавшейся бомбы.

Мы вышли на улицу. Высоко на стене сталинской пятиэтажки темнела вывеска, ещё советских времен: крупные выцветшие буквы – АТЕЛЬЕ. Вчера ты спросил меня: «Папа, что там написано?» Я ответил. «А что такое ателье?» Я попытался объяснить, что там чинят и шьют одежду. «И где оно, это ателье? Тут же магазин, где мама покупает мне шоколадки». Я сказал, что ателье давно закрыли, одежду теперь шьют редко, а укоротить брюки можно в мастерской у метро. «Тогда зачем вывеска?» Я не знал, как лучше объяснить: забыли снять, не дошли руки, слишком высоко, не было распоряжения... «Так получилось, сынок».

Сегодня ты был равнодушен к вывеске и к раненому клёну, и ко всему остальному, что встречалось нам на пути.

Не заглянул с любопытством в овраг. Зимой по его крутому склону съезжали на санках ребята. Я обещал, что ты тоже будешь кататься с горки, когда немножко

подрастёшь. И теперь, проходя мимо оврага, ты с надеждой спрашивал: «А скоро уже зима?» Но сегодня ничего не спросил.

В парке не стал кормить орешками белок. И даже не остановился на мосту через нашу мелкую речушку, карей зеркальной лентой петлявшую в траве. Обычно ты набирал горсть камешков, бросал их в воду и смотрел на расходящиеся круги. Или пускал листья-лодочки и следил, как их уносит течением. И тебя было не оторвать от этого занятия.

От моста на пригорок взбегала тропинка. С пригорка открывался вид на луг, речку и жидкий смешанный лесок. На пригорке за этюдником стоял художник. В потёртом безразмерном пиджаке с широкими оттянутыми карманами и закатанными до локтей рукавами, в просторных вельветовых штанах и артистично сдвинутой на затылок соломенной шляпе, из-под которой до плеч свисали пакли седых волос. Болезненно худой, небольшого росточка, с пепельной кустистой бородой, порыжелой вокруг рта, он щурился от едкого дыма догоравшей в зубах сигареты и старательно подмалёвывал перламутровое облако над макушками елей.

Ты, как и вчера, пристроился за спиной у художника и, затаив дыхание, разглядывал пейзаж на картине. Художник заканчивал свой вчерашний этюд, и поэтому небо у него было по-прежнему звонко-голубое и залито ровным солнечным светом, а речка весело играла бликами. Вчера ты весь сиял от восторга, когда луг, речка и лес, словно по волшебству, каким-то неведомым тебе, чудесным образом проступали под медлительной плоской колонковой кистью – точь-в-точь такие же, какими виделись с пригорка, и будто оживали на загрунтованном картоне.

Художник привык, что дети и взрослые топчутся у него за спиной, и не обращал на тебя внимания. Он нервно смешивал на палитре выдавленные из серебристых тюбиков жирные лужицы краски, видимо, спеша закончить работу до дождя.

На пригорке было ветрено. Пиджак художника надувался парусом, и казалось, ветер сейчас унесёт его вместе с этюдником и недописанным вчерашним солнечным пейзажем.

Ты в недоумении и почти в испуге оторвался от картины. Поднял непонимающие тревожные глаза на мрачное зеркало реки, на беспокойно шелестящие деревья и затянутое тучами предгрозовое небо. Потом пристально, с укоризной и какой-то неприязнью посмотрел на художника. Разочарованно скользнул взглядом по этюднику с картиной солнечного погожего дня, повернулся и косолапя заспешил с пригорка. И правда пора было возвращаться – собирался дождь.

На мосту ты остановился. Просунул голову между скрещенных перекладин ограды и не отрываясь смотрел на воду. Вода была прозрачная. Песчаное дно усеяно голышами и корягами. У берега покачивались водоросли. Они напоминали выброшенную новогоднюю мишуру и «дождик». Извивались и стелились по течению, будто уплывая.

Я облокотился о старые деревянные перила. На них перочинным ножиком было вырезано пронзённое стрелой сердце и внутри – чьи-то инициалы. Ты не доставал до перил и ничего этого не видел и не знал. Может, сердце здесь вырезано уже давно, с тех времён, когда и я был ростом ниже перил, и сам много не видел и не знал.

Со дна всплыл воздушный пузырь. На поверхности разошлись круги. «Посмотри, похоже на пластинку», – хотел сказать я. Но не успел. Круги исчезли. Из-под моста вынырнул жёлтый берёзовый лист, и его быстро унесло течением.

В детстве я воображал, что наша речушка убегает куда-то далеко-далеко и впадает в большую реку, а та – в море. И мечтал смастерить плот или лодку... Осенью целые караваны опавшей листвы уносило течением. И я с отчаянной завистью представлял тот долгий путь, который им предстояло проделать до большой реки и дальше – до моря и его неведомых загадочных берегов. Я смотрел и смотрел им вслед, пока они не исчезали за поворотом русла. За ними устремлялись другие – ещё и ещё. И казалось, этому никогда не будет конца...

– Пойдём, – ты потянул меня за рукав.

Обратно ты шёл молча, понурившись, и снова о чём-то напряжённо думал. А у подъезда посмотрел на меня грустными серьёзными глазами и сказал:

– В следующий раз давай лучше на аттракционы.